

Гуторов Владимир Александрович

Доктор философских наук

Профессор кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета

Санкт-Петербург, Россия

**Текст и политика:
о некоторых особенностях современной интерпретации
идеологических дискурсов**

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые новейшие тенденции интерпретации идеологических дискурсов в современной западной научной литературе. В начале XXI века осмысление новых проблем в социальных науках способствовало формированию предпосылок для нового этапа, который Т. Марттила определяет как «всеобщую „дискурсивизацию“ академического сообщества». Подробно исследуется вопрос, в каких именно формах основополагающий постулат нового направления — «тексты играют конституирующую роль в социальной структуре» — реализуется в новых стратегиях анализа политического.

Ключевые слова: текст, идеология, политическая риторика, политическая лингвистика, социальная структурация, дискурс-анализ, исторический контекст.

Характерной особенностью новейших исследований в области политической лингвистики, политической текстологии, политической риторики и философии публичной политики, появившихся в последние годы, можно считать резко повысившийся интерес к идеологической проблематике¹.

¹ См., например: *Argument Types and Fallacies in Legal Argumentation*. — New York; Dordrecht; London: Springer, 2015; *Gender across Languages*. Vol. 4. Ed. by Marlis Hellinger, Heiko Motschenbacher. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015; *Marttila T. Post-Foundational Discourse Analysis. From Political Difference to Empirical Research*. — London: Palgrave Macmillan, 2015; *Riedner R. C. Writing Neoliberal Values. Rhetorical Connectivities and Globalized Capitalism*. — London: Palgrave Macmillan, 2015; *Steinberger P. J. The Politics of Objectivity. An Essay on the Foundations of Political Conflict*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2015; *Crines A. S., Heppell T., Dorey P. The Political Rhetoric and Oratory of Margaret Thatcher*. — London: Palgrave Macmillan, 2016; *Democratic Orators from JFK to Barack Obama*. Ed. by Andrew S. Crines, David S. Moon, Robert Lehrman. — Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 2016; *Hayes H. A. Violent Subjects and Rhetorical Cartography in the Age of the Terror Wars*. — London: Palgrave Macmillan, 2016; *Indigenous Language Media, Language Politics and Democracy in Africa*. Ed. by Abiodun Salawu and Monica B. Chibita. — Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 2016; *Morris M. A. Language Politics of Regional Integration. Cases from the Americas*. — London: Palgrave Macmillan, 2016; *Philosophy and Political Engagement. Reflection in the Public Sphere*. Ed. by Allyn Fives and Keith Breen. — London: Palgrave Macmillan, 2016; *Rolfe M. The Reinvention of Populist Rhetoric in the Digital Age. Insiders & Outsiders in Democratic Politics*. — Singapore: Palgrave Macmillan, 2016; *The Multilingual City. Vitality, Conflict and Change*. Ed. by Lid King and Lorna Carson. — Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2016; *Thompson M. Enough Said*.

Причины, породившие данный интерес, не поддаются однозначным оценкам, поскольку даже с внешней стороны они выглядят сложными и неоднозначными. Во всяком случае, стимулом к научному поиску далеко не всегда является призыв Д. Лакоффа «перформативать весь спектр проблем публичной политики на основе прогрессистской перспективы»¹. Тем более, что уже в начале 1980-х гг. идея прогресса представлялась многим ученым не более, чем «пустым звуком»²! Стоящие перед учеными задачи являются гораздо более насущными и их видимый «прагматизм» диктуется непосредственной повесткой дня мировой политики. Логика интерпретации идеологических дискурсов определяется сегодня их растущим многообразием и самой потребностью предотвращать потенциальные конфликты путем трансформации спонтанно возникающих идеологических конфликтов в творческий политический диалог³. Например, одной из наиболее насущных проблем современной мировой политики становится урегулирование конфликта западных демократий во главе с США с исламским миром. Одной из предпосылок разрешения данного конфликта является адекватное понимание мировоззренческих позиций его участников на основе соответствующей методологии анализа причин конфликтных ситуаций и их возможных последствий. Как справедливо отмечал сравнительно недавно Фарид Мирбагери, «научная оценка исламских дискурсов мира и войны во всем их многообразии и их контекстуализация во времени и пространстве, [в том числе] и в их отношении к западным парадигмам и теориям, может послужить гораздо более значимым целям по сравнению с простой академической постановкой вопроса. Такое исследование, с одной стороны, могло бы потенциально выявить несостоятельность современных западных представлений об исламе и мусульманах, а с другой стороны — проиллюстрировать инструментализацию ислама исламистскими фундаменталистами и многими мусульманскими политиками. Сопоставление исламской и западной философий в области войны и мира отражает в наше время потребность вовлечь их в диалогический интеллектуальный дискурс»⁴.

What's Gone Wrong with the Language of Politics? — New York: St. Martin's Press, 2016; *Rhetoric in Neoliberalism*. Ed. by Kim Hong Nguyen. — Cham; Switzerland: Palgrave Macmillan, 2017.

¹ *Lakoff G. Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate*. White River Junction. — Vermont: Chelsea Green Publishing, 2004. — P. XV.

² *Progress and Its Discontents*. Ed. by Gabriel A. Almond, Marvin Chodorow and Roy Harvey Pearce. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1982. P. IX.; см. также: *Wildavsky A. Progress and Public Policy // Ibid.* — P. 361–374.

³ См. подробнее: *Steger M. B. Political Ideologies in the Age of Globalization // The Oxford Handbook of Political Ideologies*. Ed. by Michael Freeden, Lyman Tower Sargent and Marc Stears. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 218–234.

⁴ *Mirbagheri S. M. F. War and Peace in Islam. A Critique of Islamic/ist Political Discourses*. — New York: Palgrave Macmillan, 2012. — P. 1; см. также: *Islam, Religions, and Pluralism in Europe*. Ed. by Ednan Aslan, Ranja Ebrahim, Marcia Hermansen. — Wien; Chicago: Springer VS, 2016; *Nielsen J. S., Otterbeck J. Muslims in Western Europe*. Fourth Edition. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016; *Narrating Islam. Interpretations of the Muslim World in European Texts*. Ed. by Gerdien Jonker and Shiraz Thobani. — London; New York: Tauris Academic Studies, 2010; *Cesari J. When Islam and Democracy Meet: Muslims in Europe and in the United States*. — New York: Palgrave Macmillan, 2004; *Klausen J. The Islamic Challenge. Politics and Religion in Western Europe*. — Oxford: Oxford University Press, 2005; *Muslims in Poland and Eastern Europe. Widening the European Discourse on Islam*. Ed. by Katarzyna Gorak-Sosnowska. — Warszawa: University of Warsaw. Faculty of Oriental Studies, 2011; cp.: *Protecting Nature, Saving Creation. Ecological Conflicts, Religious*

Доминантный пунктир, так или иначе представленный в большинстве современных исследований политических дискурсов, был недавно следующим образом обозначен Т. А. Ван Дейком: «Идеологии по большей части усваиваются, распространяются и воспроизводятся посредством текста и разговора. Поэтому, по меньшей мере, странным является тот факт, что и в [изучении] истории этого понятия, а равным образом и в современных социальных науках уделялось так мало внимания фундаментальной роли дискурса в воспроизводстве идеологии. То же самое верно и в отношении значимости социокогнитивной основы идеологий как системы верований»¹. В лингвистическом плане данное направление было весьма энергично сформулировано Марком Томпсоном в книге «Сказано достаточно. Что же пошло не так с языком политики?»: «Публичный язык имеет значение. Слова свободны и каждый политик, журналист и гражданин может притягивать их к себе в неограниченном количестве. Но иногда бывают дни, когда правильные слова являются единственными в своем роде и оратор, способный их находить, является именно тем, кто определяет то, что случится в дальнейшем. Более того, лидеры, комментаторы и активисты с сочувствием и красноречиво могут использовать слова не для того, чтобы эксплуатировать публичные настроения, но с целью их формировать. И что же в результате? Мир, процветание, прогресс, неравенство, предрассудок, преследование, война. Публичный язык имеет значение»².

Осмысление обозначенных выше проблем в социальных науках способствовало формированию предпосылок для нового этапа, который Т. Марттила определяет как «всеобщую „дискурсивизацию“ академического сообщества»³. Следует отметить, некоторые ученые, разделяющие данную позицию, полагают, что подобная тенденция является своеобразным отражением процесса «материализации дискурсов», в рамках которого риторика и вообще риторическое начало приобретают господствующее положение в современной политике. Так, например, Х. Э. Хейс в книге «Субъекты насилия и риторическая картография в эпоху войн с террором» утверждает, что ряд аргументов, способствовавших разработке новой методологии анализа политических дискурсов, был представлен уже в статье Майкла К. Маги «Материалистическая концепция риторики» (1982 г.). Маги, частности, настаивал на том, что дискурсу необходимо рассматривать как «материальный феномен», а не просто как фигуру речи, отражающую «ментальные и эмпирические состояния». Новое представление о дискурсе необходимо дополнить соответствующей материалистической концепцией риторики, в рамках которой «постоянная и остаточная (residual) идея „текста“ неотделима от контекстуализации риторического артефакта, являющегося частью более обширной конструкции социальных отношений»⁴. В начале XXI века некоторые моменты данного подхода становятся составной частью критического дискурс-анализа (Critical Discourse Analysis — CDA). Основополагающий постулат этого аналитического направления выражен

Passions, and Political Quandaries. Ed. by Pasquale Gagliardi, Anne Marie Reijnen, Philipp Valentini. — New York: Palgrave Macmillan, 2013.

¹ Van Dijk T. A. Ideology and Discourse // The Oxford Handbook of Political Ideologies. — P. 180.

² Thompson M. Enough Said. What's Gone Wrong with the Language of Politics? Thompson M. Enough Said. What's Gone Wrong with the Language of Politics? P. 6; см. также: Steinberger P. J. The Politics of Objectivity. — P. 131–135.

³ Marttila T. Post-Foundational Discourse Analysis. — P. 1.

⁴ Hayes H. A. Violent Subjects and Rhetorical Cartography in the Age of the Terror Wars. — P. 3; ср.: Van Dijk T. A. The Discourse-Knowledge Interface // Critical Discourse Analysis. Theory and Interdisciplinarity. Ed. by Gilbert Weiss and Ruth Wodak. — New York: Palgrave Macmillan, 2003. — P. 85–109.

в следующем положении: «тексты играют конституирующую роль в социальной структуре»¹. «Недавние исследования сложных систем, — отмечает Д. Л. Лемке, — показывают, что в типическом плане они [тексты — В. Г.] организуются в — и через — многовариантные временные градации. В отдельном случае социально-экологических систем технологии социальной организации опосредуются семиотически значимыми материальными артефактами, которые сохраняются или функционально воспроизводятся в долговременных структурированных процессах, но создаются и используются в гораздо более кратких временных структурах человеческой семиотической активности. Тексты как примеры таких материально-семиотических артефактов играют ключевую роль в организации социальных систем через временные структуры и социальные сети, обладающие широчайшей протяженностью»².

Весьма примечательно, что в новейших исследованиях идеологических дискурсов постоянно присутствует тенденция к преобразованию классической концепции риторики, восходящей к софистам, Платону и Аристотелю, именно в духе концепции Маги и теории критического дискурс-анализа. «Риторическая власть, — отмечает Р. Даниш, — никогда не действовала из одного единственного пункта или от одного лица; она всегда непосредственно существовала в качестве потенциальной возможности внутри сообщества граждан. Риторическое действие было принадлежностью и ратора, и аудитории, ограничивая свободу обоих по мере того, как оно реализовалось и воплощалось посредством дискурсивных выборов. Если этос рассматривается с позиций современного представления об индивидуальности, тогда мы ограничиваем наше понимание того, чем риторика может быть и как она способна производить социополитическое изменение»³.

Возникает естественный вопрос: каким образом и до какой степени обозначенные выше подходы к анализу онтологического статуса текста и риторики могут изменить уже сформировавшиеся философские и научные представления о роли политических идеологий и их месте в структуре современных политических дискурсов? Ведь хорошо известно, что со второй половины XX века интерпретация политических идеологий претерпевает весьма неожиданные метаморфозы. Речь идет не о попытках обосновать принципиально новые определения самого понятия «идеология», но, прежде всего, о стремлении ученых к разработке новых методов изучения идеологических феноменов как в историческом, так и в структурно-аналитическом плане. При этом никогда не ставился под сомнение следующий исходный тезис: значение идеологии состоит в том, что «изучение политики не может быть свободным от ценностей, а политическая мысль не может избежать нормативности»⁴. Соответственно различие между политической наукой и политической философией, с одной стороны, и политической идеологией, — с другой стороны, состоит не в противопоставлении фактов и ценностей, но определяется, скорее, критериями политического анализа, которые позволяют рассматривать идеологические факторы как одно из свойств политического или, наоборот, исключать их из научного и философского дискурсов по тем или иным методологическим соображениям.

В основе идеологий лежит социальный феномен, который в англо-саксонском научном лексиконе нередко именуется как *ideational cohesion*, т. е. *сплоченность, основан-*

¹ Lemke J. L. Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization // Critical Discourse Analysis. — P. 130.

² Ibid.

³ Danish R. Rhetorical Agency in the Neoliberal Age: Foucault, Power, Agency, and Ethos // Rhetoric in Neoliberalism. Ed. by Kim Hong Nguyen. — Cham; Switzerland, 2017. — P. 69.

⁴ Morrice D. Philosophy, Science and Ideology in Political Thought. — Houndmills; London: Macmillan Press, Ltd., 1996. — P. 24.

ная на способность к восприятию идей¹. Такого рода сплоченность не исчерпывается стремлением к социальной гармонии, но имеет разновекторную направленность, нередко порождая дисгармонию и политические конфликты. На философском уровне данная истина была всесторонне обоснована уже Аристотелем, который, в полном противоречии с идеалистическими конструкциями социалистических и либеральных теоретиков эпохи модерна, неоднократно и весьма настойчиво отмечал тот факт, что «разделяемые чувства и обязательства, конституирующие сообщество, часто являются источником глубочайших конфликтов»². В теории либерализма Д. Ролза также весьма отчетливо зафиксирована проблема постоянной напряженности, возникающей в сфере идей и мотиваций, определяющих «гражданские всеобъемлющие концепции блага...; моральная норма, регулирующая публичный дискурс существенных свойств и вопросов базовой справедливости состоит в том, что все граждане должны использовать понятия и доводы, присущие самой политической концепции. Всеобъемлющие доктрины могут быть введены в любое время, но только при том условии, когда публичные заявления „современно“ переводятся на уровень понятий публичной концепции или тем, кто говорит, или же кем-либо другим»³.

Подобные философские интерпретации идеологии, в принципе, не противоречат тем ее общесоциологическим определениям и трактовкам, которые были обоснованы К. Маннгеймом еще в конце 1920-х гг. Вводя различие между понятиями «идеология» и «утопия», немецкий социолог исходил из предпосылки, что и идеологический, и утопический способы мысли несовместимы с реальностью и могут различаться преимущественно в функциональном плане. Идеология отражает менталитет правящих общественных групп, интересы которых настолько обусловлены прагматическими соображениями и иллюзиями повседневности, что эти группы оказываются неспособными воспринимать реальные факты, подрывающие «ощущение господства», превращаясь тем самым в типичных заурядных реакционеров. Напротив, утопическая мысль отражает иллюзорное, искаженное сознание «определенных угнетаемых групп», настолько сильно заинтересованных в разрушении или преобразовании существующих социальных условий, что они невольно видят только те элементы ситуации, которые способствуют их отрицанию⁴.

Не вдаваясь в многочисленные подробности анализа бесконечной дискуссии о природе «идеологического сознания», начавшейся сразу после выхода в свет работы К. Маннгейма «Идеология и утопия», отметим только, что акцентировка немецкого социолога на элитарном характере идеологических конструкций, которые противостоят «утопическим импульсам» массовой народной культуры, по-прежнему разделяется многими учеными. Например, по мнению знаменитого британского антиковеда Д. Э. Р. Ллойда, термин «идеология» означает, прежде всего, превалирующие социальные условия, которые подкрепляют фундаментальные социальные структуры или соответствуют взглядам и идеалам правя-

щей элиты»¹. Такой тип идеологии может быть представлен в виде определенной системы или, по крайней мере, обладает определенными структурными характеристиками и в этом плане, так или иначе, противостоит «идеям и предположениям огромного большинства обыкновенных людей»². На наш взгляд, вполне приемлемой является также позиция тех ученых, которые предлагают изучать сам феномен идеологии в двух смыслах: «во-первых, в программирующем смысле систематической модели того, как общество функционирует и, во-вторых, как мировоззрение, которое воспринимается в качестве спорного теми, кто его не разделяет. Этот последний смысл не предполагает, что такая идеология неизбежно должна представляться в качестве иррациональной, поскольку она может быть просто идентифицирована как выражение групповых интересов; скорее, подобный смысл предполагает, что современники могут рассматривать данную структуру взаимосвязанных верований как в равной степени порочную в плане аргументации и уравновешиваемую теми потребностями, которые они не разделяют. Дух идеологической критики может рассматривать такие верования как недоказуемые рациональным путем или даже ложные именно потому, что они отвечают специфической структуре потребностей; более важным является то, что рационально выраженное несогласие относительно статуса этих верований превращает их в продукт современной политической и философской аргументации»³.

Проблема роли аргументации в структуре политического дискурса является одной из наиболее приоритетных в традиции анализа политических идеологий теоретиками кембриджской школы истории понятий. В частности, в методологии истории политической мысли, разработанной Д. Пококом и К. Скиннером, особое место уделяется интерпретации исторических текстов⁴. Общим для сторонников методологии кембриджской школы является тезис, согласно которому политическая мысль всегда соотносится с историческим и другими контекстами и поэтому не существует принципиальных различий между политической философией и политической идеологией⁵. В этом плане, подчеркивает Скиннер, «восстановление исторического значения любого данного текста является необходимым условием для его понимания и этот процесс никогда не может быть доведен до конца просто путем изучения самого текста»⁶. Любая попытка изучать текст изолированно от его исторического

¹ Lloyd G. E. R. *Science, Folklore and Ideology. Studies in the Life Sciences in Ancient Greece*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — P. 1.

² *Ibid.* — P. 2; см. также: P. 211–215.

³ Armitage D. *The Ideological Origins of the British Empire*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — P. 4–5.

⁴ См.: Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. — Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003; Pocock J. G. A. *Political Thought and History. Essays on Theory and Method*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009; Skinner Qu. *The Rise of, Challenge to and Prospects for a Collingwoodian Approach to the History of Political Thought // The History of Political Thought in National Context*. Ed. by Dario Castiglione and Iain Hampsher-Monk. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — P. 175–188; Skinner Qu. *Visions of Politics*. — Vol. 2: Renaissance Virtues. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004; Skinner Qu. *Visions of Politics*. Vol. 3: Hobbes and Civil Science. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004; Skinner Qu. *The Foundations of Modern Political Thought*. — Vol. 2. The Age of Reformation. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

⁵ См. подробнее: Morrice D. *Philosophy, Science and Ideology in Political Thought*. — P. 160 sq.

⁶ *Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics*. Ed. by James Tully. — Cambridge: Polity, 1988. — P. 104.

¹ См., например: Collier R. B. *Democratization and the Popular Interest Regime in Latin America // The Diversity of Democracy. Corporatism, Social Order and Political Conflict*. Ed. by Colin Crouch and Wolfgang Streeck. — Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2006. — P. 133–135.

² Yack B. *Problems of a Political Animal. Community, Justice, and Conflict in Aristotelian Political Thought*. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1993. — P. 1.

³ *The Cambridge Companion to Rawls*. Ed. by Samuel Freeman. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — P. 507.

⁴ См.: Mannheim K. *Ideology and Utopia*. Trans. by E. Shils. — London: Routledge and Kegan Paul, 1979. — P. 36, 38–39, 50–51, 66–69, 87.

контекста может привести лишь к «историческому нонсенсу», серьезными ошибкам в его интерпретации и, в конечном итоге, к тому, что последняя будет осуществляться в совершенно неподходящих контекстах и терминах. Ссылаясь на идеи Т. Куна о роли парадигм в науке, Скиннер предупреждает об опасности того, что изучение текстов и идей «будет заражаться бессознательным применением парадигм, хорошее знание которых делает для историка неузнаваемой [их] принципиальную неприменимость к прошлому»¹. Пренебрежение историческими контекстами порождает тенденцию замены интерпретации «мифологиями»².

Но даже в том случае, если этой опасности удастся избежать, текстуальный метод может все равно оказаться неадекватным. Во-первых, само внимание исключительно к тексту может обернуться забвением того факта, что «буквальное значение ключевых терминов иногда меняется со временем» со всеми последующими проблемами ложной интерпретации³. Во-вторых, концентрация на тексте как таковом может означать пренебрежение «окольными стратегиями, которые писатель всегда может решить использовать для того, чтобы выставлять напоказ и одновременно скрывать то, что он имеет в виду, когда он говорит что-нибудь о каком-либо учении»⁴.

Критикуя метод изучения текстов в изоляции от их исторического контекста, Скиннер никоим образом не отрицает автономного статуса текста, поскольку любая попытка утверждать обратное может привести лишь к замене одной ошибки на другую. Задача состоит в том, чтобы правильно идентифицировать сам характер взаимодействия текста и контекста. «„Контекст“, — отмечает он, — иногда ошибочно трактуется в качестве детерминанта того, что говорится. Но его необходимо, скорее, рассматривать как конечный каркас, помогающий решать — каким образом в обществе именно данного рода становится возможным для кого-либо предназначать для сообщения конвенционально признаваемые значения»⁵. Таким образом, Скиннер отрицает любой детерминистский взгляд на контекст, подчеркивая при этом, что понимание контекста, в рамках которого делается то или иное утверждение, является решающим для понимания самого утверждения. Заявление любого рода, включая политическую теорию, «неизбежно является воплощением отдельного намерения или отдельного случая, адресованного для решения отдельной проблемы и тем самым специфичного именно для данной ситуации»⁶. Тем самым «понимание текстов... означает усвоение как того, что предполагается в них сообщить, так и того, как данное их значение предполагается воспринимать»⁷. Предназначенный для восприятия контекст является сугубо лингвистическим. Читатель текста должен, прежде всего, установить амплитуду значений, возможную в рамках лингвистических условностей своего времени, и уже затем решать, какое именно значение предназначено для сообщения опять-таки в рамках данного лингвистического контекста.

Исследование политических текстов теоретиками кембриджской школы, разумеется, не имело цели дезавуировать маннгеймовский анализ самого феномена идеологии путем эгалитарной нивелировки народных утопических и элитарных идей в рамках исторически

обусловленного текстового поля. Их задача была совершенно иной, а именно — сформировать методологию анализа идеологических дискурсов, опираясь на которую ученые могут изучать как исторические разрывы, так и эволюционную преемственность.

Политическая идеология формирует язык и символику, которые, будучи однажды зафиксированными в письменных текстах (и устной традиции), продолжают свое вполне независимое существование, оказывая влияние на формирование политических режимов, на первый взгляд, совершенно несовместимых с породившей их когда-то формой правления. Так, например, «язык и символизм империи обеспечили монархии эпохи раннего модерна ресурсами легитимации их независимости точно таким же образом, как они же ранее позволили итальянским городам-государствам четырнадцатого века добиться своей юридической независимости от Империи»¹. Причина заключалась в немалой степени и в том, что «политическая мысль по определению является историей *полиса* — самодостаточного, жестко сплоченного, суверенного и интегрированного сообщества, которая предшествовала, иногда следовала по пятам истории империи, развивалась параллельно и, в конечном счете, овладела этой историей в эпоху великих наций-государств. Это [обстоятельство] является симптоматичным в плане постоянно проявляющегося нежелания рассматривать идеологии империи как часть политической теории или истории политической мысли. Однако изучение имперских идеологий может пролить свет на ограниченность политической теории, изучаемой на основе плохо исследованного принципа, согласно которому она включает в себя исключительно теорию государства и его идеологических предшественников»².

Приверженность научным принципам анализа формирует традицию, в наибольшей степени препятствующую проникновению в современную политику безликого «постмодернистского эгалитаризма», уравнивающего идеологические тексты прошлого и настоящего в некоем виртуальном пространстве, к которому неприменимы никакие исследовательские парадигмы.

Библиография

1. Argument Types and Fallacies in Legal Argumentation. — New York; Dordrecht; London: Springer, 2015. — 222 p.
2. Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 239 p.
3. Cesari J. When Islam and Democracy Meet: Muslims in Europe and in the United States. — New York: Palgrave Macmillan, 2004. — 267 p.
4. Collier R. B. Democratization and the Popular Interest Regime in Latin America // The Diversity of Democracy. Corporatism, Social Order and Political Conflict. Ed. by Colin Crouch and Wolfgang Streeck. — Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2006. — P. 119–148.
5. Crines A. S., Heppell T., Dorey P. The Political Rhetoric and Oratory of Margaret Thatcher. — London: Palgrave Macmillan, 2016. — 226 p.
6. Danish R. Rhetorical Agency in the Neoliberal Age: Foucault, Power, Agency, and Ethos // Rhetoric in Neoliberalism. Ed. by Kim Hong Nguyen. — Cham; Switzerland, 2017. — P. 63–86.
7. Democratic Orators from JFK to Barack Obama. Ed. by Andrew S. Crines, David S. Moon, Robert Lehrman. — Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 2016. — 313 p.
8. Gender Across Languages. Vol. 4. Ed. by Marlis Hellinger, Heiko Motschenbacher. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015. — 415 p.

¹ Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. — P. 34.

² Ibid. — P. 4; cp.: Steinberger P. J. The Politics of Objectivity. — P. 182–183.

¹ Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics. Ed. by James Tully. — Cambridge: Polity, 1988. — P. 32.

² Ibid. — P. 32–48.

³ Ibid. — P. 50.

⁴ Ibid. — P. 51.

⁵ Ibid. — P. 64.

⁶ Ibid. — P. 65.

⁷ Ibid. — P. 63.

9. *Hayes H. A.* Violent Subjects and Rhetorical Cartography in the Age of the Terror Wars. — London: Palgrave Macmillan, 2016. — 207 p.
10. Islam, Religions, and Pluralism in Europe. Ed. by Ednan Aslan, Ranja Ebrahim, Marcia Hermansen. — Wien; Chicago: Springer VS, 2016. — 303 p.
11. *Klausen J.* The Islamic Challenge. Politics and Religion in Western Europe. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — 253 p.
12. *Lakoff G.* Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. White River Junction. — Vermont: Chelsea Green Publishing, 2004. — 124 p.
13. *Lemke J. L.* Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization // Critical Discourse Analysis. Theory and Interdisciplinarity. Ed. by Gilbert Weiss and Ruth Wodak. — New York: Palgrave Macmillan, 2016. — P. 130–149.
14. *Lloyd G. E. R.* Science, Folklore and Ideology. Studies in the Life Sciences in Ancient Greece. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — 260 p.
15. *Mannheim K.* Ideology and Utopia. Trans. by E. Shils. — London: Routledge and Kegan Paul, 1979. — 310 p.
16. *Marttila T.* Post-Foundational Discourse Analysis. From Political Difference to Empirical Research. — London: Palgrave Macmillan, 2015. — 238 p.
17. Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics. Ed. by James Tully. — Cambridge: Polity, 1988. — 353 p.
18. *Mirbagheri S. M. F.* War and Peace in Islam. A Critique of Islamic/ist Political Discourses. — New York: Palgrave Macmillan, 2012. — 214 p.
19. *Morrice D.* Philosophy, Science and Ideology in Political Thought. — Houndmills; London: Macmillan Press, Ltd., 1996. — 310 p.
20. Muslims in Poland and Eastern Europe. Widening the European Discourse on Islam. Ed. by Katarzyna Gorak-Sosnowska. — Warszawa: University of Warsaw. Faculty of Oriental Studies, 2011. — 343 p.
21. Narrating Islam. Interpretations of the Muslim World in European Texts. Ed. by Gerdien Jonker and Shiraz Thobani. — London; New York: Tauris Academic Studies, 2010. — 293 p.
22. *Nielsen J. S., Otterbeck J.* Muslims in Western Europe. Fourth Edition. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. — 215 p.
23. Philosophy and Political Engagement. Reflection in the Public Sphere. Ed. by Allyn Fives and Keith Breen. — London: Palgrave Macmillan, 2016. — 275 p.
24. *Pocock J. G. A.* The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. — Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. — 634 p.
25. *Pocock J. G. A.* Political Thought and History. Essays on Theory and Method. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — 278 p.
26. Progress and Its Discontents. Ed. by Gabriel A. Almond, Marvin Chodorow and Roy Harvey Pearce. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1982. — 565 p.
27. Protecting Nature, Saving Creation. Ecological Conflicts, Religious Passions, and Political Quandaries. Ed. by Pasquale Gagliardi, Anne Marie Reijnen, Philipp Valentini. — New York: Palgrave Macmillan, 2013. — 294 p.
28. Rhetoric in Neoliberalism. Ed. by Kim Hong Nguyen. Cham. — Switzerland: Palgrave Macmillan, 2017. — 234 p.
29. *Riedner R. C.* Writing Neoliberal Values. Rhetorical Connectivities and Globalized Capitalism. — London: Palgrave Macmillan, 2015. — 162 p.
30. *Rolfe M.* The Reinvention of Populist Rhetoric in the Digital Age. Insiders & Outsiders in Democratic Politics. — Singapore: Palgrave Macmillan, 2016. — 259 p.
31. *Skinner Qu.* The Rise of, Challenge to and Prospects for a Collingwoodian Approach to the History of Political Thought // The History of Political Thought in National Context. Ed. by Dario Castiglione and Iain Hampsher-Monk. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — P. 175–188.
32. *Skinner Qu.* Visions of Politics. Vol. 2: Renaissance Virtues. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 461 p.
33. *Skinner Qu.* Visions of Politics. Vol. 3: Hobbes and Civil Science. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 386 p.
34. *Skinner Qu.* The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 2. The Age of Reformation. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 405 p.
35. The Cambridge Companion to Rawls. Ed. by Samuel Freeman. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 585 p.
36. The Multilingual City. Vitality, Conflict and Change. Ed. by Lid King and Lorna Carson. — Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2016. — 223 p.
37. *Thompson M.* Enough Said. What's Gone Wrong with the Language of Politics? — New York: St. Martin's Press, 2016. — 315 p.
38. *Van Dijk T. A.* Ideology and Discourse // The Oxford Handbook of Political Ideologies. Ed. by Michael Freedon, Lyman Tower Sargent and Marc Stears. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 180–201.
39. *Van Dijk T. A.* The Discourse-Knowledge Interface // Critical Discourse Analysis. Theory and Interdisciplinarity. Ed. by Gilbert Weiss and Ruth Wodak. — New York: Palgrave Macmillan, 2016. — P. 85–109.
40. *Wildavsky A.* Progress and Public Policy // Progress and Its Discontents. Ed. by Gabriel A. Almond, Marvin Chodorow and Roy Harvey Pearce. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1982. — P. 361–374.
41. *Yack B.* Problems of a Political Animal. Community, Justice, and Conflict in Aristotelian Political Thought. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1993. — 312 p.

Денильханов Асланбек Хаважович

Кандидат политических наук

Доцент философского факультета

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,

Адвокат коллегии Адвокатской палаты г. Москвы

Москва, Россия

Земства как попытка формирования конституционного строя в пореформенной России

Аннотация

Как выборные органы местного самоуправления и институт гражданского общества, земства были задуманы с целью решения хозяйственных задач, стоящих перед Российской империей. В статье представлена история создания, роль земств в управлении и развитии российской государственности с момента их создания (1864 г.) и до упразднения (1918–1919 гг.). За полувековой период своего существования земства приобрели значительное